

Ужасы жизни

Маша Гаврилова

Ужасы

18+

ЖИЗНИ

Маша Гаврилова

Ужасы жизни

текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69164335

Маша Гаврилова. Ужасы жизни (сборник): No Kidding Press; Москва;

2023

ISBN 978-5-6048611-6-5

Аннотация

Плесневый мальчик и вулканические кошки, дружба с тараканами и расставание с драконом: в магическом автофикшне Маши Гавриловой фантастический элемент раскалывает повседневность и обживает разлом, как упрямые растения – трещины в асфальте. В сборнике рассказов «Ужасы жизни» мотивы детской страшилки и волшебной сказки, а иной раз и настоящего боди-хоррора, вплетаются в истории о дружбе и соприсутствии, рассказанные от первого лица.

Содержание

Волшебный лес материнства	5
Санта-Дыня	15
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Маша Гаврилова

Ужасы жизни (сборник)

© Маша Гаврилова, текст, 2023

© Издание на русском языке, оформление. No Kidding Press, 2023

Волшебный лес материнства

Ходит Юля по квартире: топ-топ-топ. Юля ждет ребенка. Скоро в квартире будет топ-топ-топ топ-топ-топ. Юля становится скучным человеком, мой интерес к ней исчезает. Однажды одна моя подруга сказала: «Иногда нужно быть занудой».

А потом она стала занудой, и в ней больше не было ничего, кроме занудства. Мне это надоело, и у меня больше не было подруги. Ради другой моей подруги я всё время переносила другие встречи, а она никогда не меняла свой график. Она говорила: «Главное – стабильность». А в отношениях ответственность сразу на двух сторонах. Третья моя подруга однажды уехала в США на стажировку, там ее пригласили поработать, и больше мы ее не видели и не слышали. Таковы издержки новой языковой жизни. Сколько же у меня было подруг, сколько же мы пережили вместе веселья и антивеселья! А теперь осталась только Юля. С Юлей мы были хорошими подругами.

Отношения строятся на еде. Кашку не поешь – подружиться не получится. Вот мы с Юлей и готовили друг другу еду раньше и вместе обедали. Во время беременности питание Юли изменилось: она увлеклась рыбой и клубникой. Я не любила рыбу. Я не любила и клубнику, потому что была

зима, а зимой все любят мандарины. Питание разделилось.

Мои родители – неплохие люди, но живу я у Юли. Родители вяло сопротивлялись моему переезду, потом дали Юле пятьсот рублей, чтобы ей было чем платить за меня, и отвязались. Расставаться с родителями было даже не больно, меня ведь ждала интересная жизнь с Юлей. Только спустя две недели мы выяснили, что она ждет ребенка, и начался ток-сикоз.

Юля заботилась обо мне и платила за меня, ведь пятьсот рублей – это мелочи для двух подруг. Она была постарше, а я была помладше, но это было ничего страшного. Мы были неразлучной парой и вместе посмотрели «Игру престолов». Так что наши отношения были очень близкими.

У Юли болит живот, ей плохо. Я убежала в аэропорт. Я плохой человек, я всегда иду к новым людям: они интересуют меня своей неизвестностью. Новый друг лучше старых двух – вот моя жизненная позиция. Но на самом деле я просто не умею удерживать людей вокруг себя. Скоро точно потеряю всех.

В аэропорту я провела где-то час. Потом была посадка, а потом я вернулась к Юле. Она страдала от болей уже совсем невыносимо и ненавидела меня сильно. Я быстро вы-

звала её скорую, её увезли, и у неё случился выкидыш. Мне было грустно и страшно, я не знала, как помочь. Юля улыбалась и дышала спокойно, меня такое пугало.

Юля страдала без ребенка. Я понимала это настолько, насколько это может быть понятно. Юле нужно было о чем-то заботиться, она была женщина-мать, она такой родилась. Было непонятно, что делать, но моя беспомощность продолжалась недолго. Я купила Юле рыбок и аквариум – говорят, ухаживать за рыбками несложно. Юля поблагодарила, но смотрела на рыбок с тоской и всё время забывала их кормить. Нужно было совершить другое действие – более грандиозное.

Через несколько дней я взяла кастрюльку, положила в неё грибы, муку из фундука, немножко соли и немножко сахара и сварила всё это. Это был грибной соус. Мы с Юлей поели его, Юля ушла спать, а я убрала кастрюльку на подоконник. Теперь осталось подождать две недели, и Юле больше не будет так грустно. Беременность опоссума длится две недели. Юлю ожидало нечто большее, чем опоссум. Спустя две недели Юля попросила помыть кастрюльку. Я предложила вместо этого открыть кастрюльку. Она открыла. Перед ней в кастрюльке стоял микромальчик с серой кожей и красивым смущенным лицом. Юля не заорала.

Мальчик-плесень стал нашим раем и адом. Юля очень любила его, учила всему, что умела сама, показывала фильмы и кормила суши с авокадо. Могло показаться, что я оказалась задвинута на второй план, но нет – материнство сблизило нас: мы много обсуждали нашего мальчика, просили друг друга позаботиться о нем, вместе кормили его и разделили обязанности по уборке. Я включала ему французскую музыку и французское радио. Не было понятно, получает ли мальчик удовольствие от французского, я надеялась, что да. К мальчику я чувствовала много нежности. Юля помешалась на мальчике.

С появлением мальчика-плесени исчезло давление утраты. Юлино настроение больше не превращало нашу квартиру в темницу, а я стала гораздо меньше думать о поездках в аэропорты и пересечениях границ – было не до того. Мальчик-плесень был зайкой, котиком, лапочкой, ласточкой. Ему был интересен мир, но говорить он не умел, даже не издавал никакие звуки. Это было удобно – он не будил нас ночью. Это было неудобно – он не мог попросить нас о помощи. Мы нашли на антресолях новогодний колокольчик и научили мальчика звонить, когда ему нужно наше внимание. Ночи стали бессоннее, мы стали спокойнее.

Ему был интересен мир, и он стремился понять его. Как-то раз мальчик-плесень увлекся свечами, которые всё время

жгла Юля, – я так и не поняла, ей было всё время холодно или она любила эстетику сгорания. Может быть, ей не хватало романтики. Юле всегда попадались неромантические партнеры на одну ночь. Так что свечи всё время горели, и наш мальчик понюхал одну из них и поджег нос. Мы причитали, как плакальщицы на похоронах, а мальчик хмурился и пытался тереть нос, но мы его крепко держали. На следующее утро нос уже восстановился. Наш мальчик был самым волшебным ребенком на свете.

Дни летели, мальчик рос, а я стала уменьшаться. Сначала похудели руки, потом похудели ноги. Я не сразу заметила изменения и решила, что это стресс и нервное истощение. Хотелось отдыха и заботы о себе, но разве можно было оставить Юлю одну? Мы всё делали вместе: искали ему одежду и обувь в кукольных магазинах и пытались понять, нужно ли ставить прививки. Юля считала, что обязательно нужно, а я говорила, что он волшебный и в нем течет явно не кровь. Юля продолжала спорить и давить. Я поражалась дурости Юли, а потом сдалась – мальчик был для нее, а не для меня.

Прививки никак не отразились на мальчике – он ничего не почувствовал, я ничего не почувствовала, зато Юля обрадовалась. А мы жили ради Юлиной радости. Мальчик пытался что-то говорить, учился писать, объедался авокадо и обожал аниме. Аниме приручило его особенно сильно, поэтому

он больше тянулся к Юле. Я была довольна – всё идет как надо. Аниме я не любила, а авокадо и многая другая еда стали пахнуть гадко, как будто испортились. Я больше не могла есть, и сил оставалось мало, поэтому в основном я тихо лежала в обнимку с кастрюлей остатков риса. Когда Юля готовила, я уходила на балкон и сидела на балконе несколько часов, чтобы запах еды успел выветриться. Юля этого не замечала – у нее был чудо-ребенок.

Мы с Юлей стали жить вместе через два месяца после знакомства. Знакомство произошло на танцах, где мы обе были несгибаемы, как два бревна, а остальные были грациозными белочками. И мы стали дружить. Юля была очень активной подругой и участливо вмешивалась в мою жизнь. Она всё время звонила мне, всегда приходила на мероприятия, где я пела. У меня всегда было мало слов для нее, зато она любила поговорить и обсудить что-то. Мама не одобряла Юлю, потому что мы разговаривали по телефону часами, а за телефон платила мама. Мама называла Юлю энергетическим вампиром, но сама она была не лучше. Когда мама перестала платить за телефон, было решено переехать к Юле.

Не знаю, почему мы не дали мальчику-плесени имя. Наверное, потому что он был лучше, чем какой-нибудь Толик, Тёма или Борис. Ни одно имя ему не подходило, поэтому мы называли его просто – малыш. Ему это не нравилось, но

мы поняли это не сразу. Когда поняли, пришлось называть ему все имена. Он ничего не выбрал. Мы остановились на варианте, на котором не хотелось останавливаться, – масик, сокращенно от малыш. И будни материнства потекли дальше.

Я продолжала терять вес, еда продолжала пахнуть гнилью. А потом она перестала перевариваться и начала гнить внутри меня. Об этом мне сказал врач городской поликлиники номер семнадцать. Он сочувственно посмотрел, посоветовал есть рис и больше ничего. Такой вот у вас уникальный организм. Эта болезнь называлась гниlostная дисперсия. Я переживала, что совсем ослабну и не смогу заботиться о мальчике. Юле я ничего не стала говорить, а моего похудения она не заметила. Она вообще перестала замечать всё, что было связано со мной: мою худобу и гниль, в которую я обращалась. Мальчик-плесень как будто околдовал ее, но я ее не виныла – меня он тоже околдовал. Я была гнилушка в волшебном лесу.

Всё это время я продолжала учиться в школе и петь. Школа меня не радовала, на уроках я думала о мальчике и о Юле. Иногда мне приходилось прогуливать уроки, чтобы посидеть с мальчиком, когда у Юли была смена. Я звонила маме и просила написать записку, что я заболела. Мама всегда в конце разговора просила меня вернуться. Я отказывалась. Мы с Юлей решили никому не рассказывать про нашего мальчи-

ка, и маме тоже. И про гниль я молчала.

На конец месяца назначили предновогодний концерт. Меня позвали петь – я согласилась. Юля впервые проигнорировала приглашение прийти. На репетиции у меня закружилась голова, и я отправилась домой. На следующий день у меня должны были начаться месячные, поэтому все репетиции с собой я отменила. В месячные петь нельзя: голос слабеет, связки не эластичные, можно сорвать голос. Дома я поела рис, пошла в ванную, а из ванной позвонила в скорую. Месячные начались на день раньше. Но вместо жидкой крови из меня вытекала болотная тина, вместо сгустков крови – комки гнили.

Врачи увидели меня и решили, что я шучу. Мне пришлось снова пойти в городскую поликлинику номер семнадцать. Гинекологиня недоверчиво подняла брови. Это точно не диарея? Вы точно едите только рис? А вам больно? А сколько у вас длится цикл? Если не больно, то потерпите эти четыре дня и всё. Такой вот у вас уникальный организм. Я ушла расстроенная и испуганная, но ничего не сказала Юле. Не надо было выводить ее из волшебного леса материнства, ей было там хорошо. Мальчик-плесень нежно обнял меня. Он всё понимал, как и всегда.

Гнилые месячные закончились через пять дней, а я на-

чала пить кальций и другие витамины в таблетках, чтобы не умереть. Еда не становилась вкуснее, и даже запах кипяченой воды, о котором я раньше не знала, казался противным. Мальчик-плесень заинтересовался витаминами, пришлось их прятать – не хотелось, чтобы он причинил себе вред. Он вообще был рискованым существом – ничего не боялся и всё время куда-то лез. Однажды мы чуть не включили стиральную машинку, в которой он сидел. Юля вовремя заметила его пропажу и стремительно выдернула провод из розетки.

Приближался концерт. Я уже больше ничего не ела, только пила; всё время ныл живот. Оставалось два дня до концерта, а боль в животе усиливалась и усиливалась. Я отмахивалась от этой боли, а потом лежала скрюченная и тихо скулила, пока Юля гуляла с мальчиком. На концерт они не пришли, а я пела хорошо как никогда. После концерта боль в животе усилилась. Я пришла домой и потеряла сознание. Помню только испуганное лицо мальчика и аэропорты.

Я очнулась в палате больницы полностью раздетая, было очень больно, я не могла шевелиться. Я испугалась. Как-то оделась. Рядом орали маленькие дети. Пришла медсестра и сказала, что у меня был аппендицит и я чуть не умерла. И ни слова про гниль. Мама причитала в трубку. За окном был миллион салютов – тридцать первое декабря. Юля по-

звонила тоже в причитаниях и сказала, что мальчик-плесень только что упал в аквариум и его съели рыбки. После звонка Юли мне принесли еду. Она снова пахла собой. Силы возвращались. Путешествие в волшебный лес подошло к концу.

Санта-Дыня

Очень хотелось поесть. Был август и есть хотелось легкую еду, а также хотелось купаться. Как известно, купаться без купальника это не очень хорошая идея, а у меня купальника нет. Вариантов, кроме еды, не оставалось, только денег тоже не было. Я стояла на улице и думала, что же делать. Система капитализма вкручивает нас в отношения производства с самого рождения, ей невозможно противостоять, с ней невозможно бороться одной (или одному). Поэтому я позвала для встречи свою подружку Аню, и спустя час мы стояли у станции метро Люблино. С Аней было неплохо, только чего-то не хватало. Аня сказала: «Кажется, не хватает Дашеньки». Я согласилась. Дашеньки действительно не хватало. Мы написали Дашеньке, чтобы она приезжала на станцию метро Волжская. «Дашенькой» Дашу называла Аня, я называла Дашу «Дашей». Даша не была моей лучшей подружкой, Даша была интересной, немножко странной и напоминала домашнюю автономную кошку. Она написала нам: «Выезжаю». И мы с Аней пошли к станции метро Волжская от станции метро Люблино, посидели у Люблинского пруда, прогулялись вдоль этого пруда, вернулись, и около метро наконец была Даша. К приезду Даши есть и купаться хотелось ужасно, люди вокруг плавали вокруг знака «Купаться запрещено» и ели аллергичные для меня абрикосы и яблоки. Я ма-

нифестировала свой голод. Даша и Аня поддержали меня. Мы решили уйти подальше от пруда и для этого перешли дорогу. Через дорогу были ОНИ.

Мы видели дыни, видели арбузы, и тогда я поняла, в чем моя потребность. У Ани и Даши не было денег. У меня были только ключи от квартиры и арбуз в квартире, но квартира была далеко, а голод и дыни – близко. Мы поняли, что нам нужна дыня. Даша сказала: «А где гитара? Может, мы им споем?» Я и Аня не были удивлены такому предложению. Но меня смутило такое предложение: неловко петь перед чужими людьми. Было непонятно, что делать. Мы с Дашей очень тихо запели хорал. Мужчина-продавец подошел ко мне, взял в руки самую красивую на свете дыню и дал мне ее. Я спросила: «Как же так?» Мужчина ласково улыбнулся и сказал, что я похожа на его дочь. Быть похожей на чью-то дочь – одна из приятных сторон моей жизни. Так у нас в руках оказалась дыня. Люблинский пруд продолжал сверкать солнышком и купаться хотелось невыносимо. И я сказала: «Нужно уйти от этого пруда, иначе я пойду в него топиться». Аня и Даша хорошо ко мне относились, поэтому они поскорее повели меня от пруда в противоположную сторону, в парк через дорогу.

Мы решительно пересекли скучный парк и оказались в сельской местности. Там не было ничего, кроме забора

с колючей проволокой. Забор выглядел внушительно и опасно. Я предложила избегать его, подружки согласились. Дальше было кострище и камни, и на камни мы присели с Дашей. Аня присела на поваленное дерево. Мы стали думать, как бы поесть дыни, ведь ножа у нас не было. Искать помощи непонятно у кого – только велосипедист ехал очень неухоженный и потерянный, и мы решили, что у него точно есть нож. Велосипед едет быстро, мы ходим медленно. Потому что, во-первых, по сухой траве неудобно идти. Во-вторых, отвлекала смена пейзажа. Мы вышли из травы, и около нас оказалось дерево, немножко сплющенное временем или местным климатом. За деревом находилось следующее: огромный бесконечный зеленый овраг и где-то вдалеке, за горизонтом, блестя водичка – озеро, океан или река. Мы увидели, как велосипедист медленно катится по дороге вдоль горы вниз. Пели птицы, никого другого не было. А единственный человек-велосипедист выглядел очень комфортно, мы чувствовали все трое к нему доверие и совсем не чувствовали насилие. Мы крикнули ему, чтобы он остановился. Он посмотрел на нас – в его взгляде был страх и какое-то глобальное понимание всего происходящего – и на огромной скорости поехал с горы. Я расстроилась и выпила глоточек воды, и девочки тоже выпили по глоточку. Воды становилось всё меньше, в овраге становилось всё жарче. Дынька становилась всё тяжелее, наши желудки всё громче урчали.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.